

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.М. Кремлевский

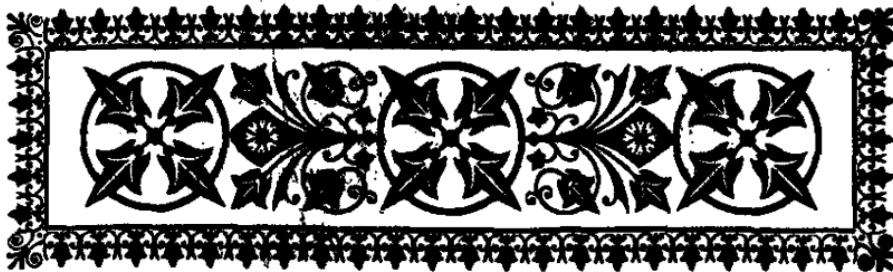
**Первородный грех по учению
блаж. Августина Иппонского**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 5. С. 581-600.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХЪ

ПО УЧЕНИЮ БЛАЖ. АВГУСТИНА ИППОНСКАГО. *)

КАЗАВШИ объ оправданіи нечестивыхъ во Христѣ, апостоль начинаетъ съ 12 стиха выяснить возможность оправданія многихъ въ одномъ, сопоставляя оправданіе многихъ въ одномъ, Христѣ, съ осужденіемъ многихъ въ другомъ, Адамѣ. Онъ показываетъ, что какъ чрезъ Адама вошли въ міръ грѣхъ и смерть, такъ чрезъ Христа вошла въ міръ праведность, но какимъ образомъ вошло то и другое, не объясняется. Въ 12 стихѣ указана только первая половина периода, сказано о вхожденіи во всѣхъ грѣха чрезъ Адама, вторая же часть периода, объ оправданіи всѣхъ во Христѣ, оставлена; но въ 18 стихѣ кратко повторено содержаніе первой части периода и указано содержаніе второй части: какъ преступленіемъ одного всѣмъ осужденіе, такъ правдою одного всѣмъ оправданіе.

Сего ради якоже единъмъ человѣкомъ грѣхъ въ мірѣ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣкъ вниде, въ немъ же все согрѣшиша. Прошу тебя, обращается Августинъ къ Юліану, обрати вниманіе, по какой причинѣ апостоль началъ говорить о первомъ человѣкѣ. Дѣло шло о примиреніи (de reconciliatione) съ Богомъ вмѣсто вражды, какую мы имѣли, каковое примиреніе совершилось, какъ и ты соглашаешься, чрезъ Посредника Христа. Вотъ слова апостола: оправдавши върою, мы имѣемъ миръ съ Богомъ. и немногого

*) См. начало въ англійской книжн. „Христ. Чтеніа“.

далъе: ибо Христосъ, когда еще мы были немочны, въ определенное время умеръ за нечестивыхъ, и далъе: будучи врагами, мы примирились съ Богомъ смертю Сына Его. Это примиреніе, которое апостоль восхвалилъ столько разъ, и теперь еще упомянуль: посредствомъ Котораго (Христа) мы получили примиреніе, и далъе присоединилъ: посему, какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ. Слѣдовательно, какъ чрезъ этого одного человѣка вражда, такъ чрезъ одного Христа примиреніе. Посему кто говорить, что дѣти свободны отъ грѣха, вслѣдствіе котораго произошла вражда, тотъ совершенно не признаеть, что на нихъ простирается то примиреніе, ради котораго Христосъ сталъ посредникомъ; посему отлучаетъ ихъ и отъ оправданія, которое совершается въ крови Христа, причиною изліянія которой Христосъ называлъ именно прощеніе грѣховъ (Ме. XXVI, 28). Отсюда послѣдовательно вытекаетъ, что дѣтямъ, не имѣющимъ грѣховъ, смерть Христа не приноситъ совершенно никакой пользы, ибо мы примирились чрезъ нее съ Богомъ, бывъ врагами, каковыми дѣти, по нашему мнѣнію, не были¹⁾.

Юліанъ напротивъ указываетъ совсѣмъ другую причину, по которой апостоль началъ рѣчь о первомъ человѣкѣ. По его мнѣнію, апостоль для пораженія гордости іудеевъ, думавшихъ, что прощеніе грѣховъ имъ не такъ необходимо, какъ язычникамъ, потому что они обладали закономъ, обращается къ разстройству нравовъ человѣчества, чтобы самая древность обнаружила, какого господства достигло въ этомъ мірѣ нечестіе, и чтобы показать, сколь много древнихъ преступлений уничтожила благодать Христа, переданныхъ отъ предковъ потомкамъ чрезъ подражаніе (Юліанъ имѣть въ виду мысль, что Христосъ нашелъ міръ въ состояніи крайняго нечестія, которое развивалось исторически отъ первого человѣка). Посему апостоль упоминаетъ о первомъ человѣкѣ и дѣлаетъ это не потому, что отъ первого человѣка начался грѣхъ, такъ какъ первую согрѣшила женщина, но потому что по преимуществу пола Адамъ принималъ главенствующее участіе въ совершенніи первого грѣха. Итакъ, чрезъ первого человѣка вошелъ грѣхъ и чрезъ грѣхъ смерть, безъ сомнѣнія, та, которая обѣщана грѣшникамъ, т. е., вѣчная; и такимъ образомъ смерть перешла на всѣхъ людей, потому что

¹⁾ Op. imp. II, 172; Contra Jul. VI, 9; Conta duas epist. pelag. IV, 8.

всѣ согрѣшили. Ясно показалъ, какимъ образомъ перешла эта смерть на потомковъ, именно, посредствомъ подражанія (въ грѣхѣ), а не посредствомъ рожденія (съ грѣхомъ), ибо сказавши: «перешла на всѣхъ людей», *in quo omnes recessaverunt*, каковое выраженіе равносильно выраженню: *quia omnes recessaverunt*. Апостоль сказалъ, что смерть перешла поскольку всѣ согрѣшили¹⁾). Такимъ образомъ, апостоль, по Юліану, говорить о появленіи въ мірѣ грѣха чрезъ первого человѣка и о распространеніи смерти духовной на всѣхъ тѣхъ, кои подражаютъ Адаму въ грѣхахъ. Такое толкованіе ясно было направлено противъ ученія Августина о переходѣ на всѣхъ людей грѣха Адамова чрезъ плотское происхожденіе всѣхъ оть Адама.

Противъ ученія пелагіанъ, что грѣхъ Адама повредилъ людямъ, «не чрезъ распространеніе, но чрезъ подражаніе» (*non propagatione, sed imitatione*), Августинъ указывалъ, что въ такомъ случаѣ апостолу болѣе естественно было бы указать не на первого человѣка, а на діавола, который первый среди разумныхъ тварей согрѣшилъ, никому не подражая, и о которомъ написано: *изначала діаволъ согрѣшаетъ* (Іоан. III, 8), равно какъ: *завистію діавола вошла въ міръ смерть* (Премудр. II, 24). А что та смерть (духовная) произошла именно чрезъ діавола, не потому что люди произошли оть него, но потому что подражаютъ ему, Писаніе немедленно далѣе высказываетъ, присоединяя: *подражаютъ ему принадлежащѣ изъ уძлу его* (Прем. II, 25). Апостоль же, упомянувъ грѣхъ, и перешедшую оть него на всѣхъ чрезъ распространеніе смерть, указалъ того виновника, оть котораго береть начало распространеніе рода человѣческаго. Конечно, люди подражаютъ Адаму, когда преступаютъ заповѣдь Божію чрезъ непослушаніе, но иное есть примѣръ для воли грѣшащихъ и иное— происхожденіе рождающихся съ грѣхомъ. Какъ Тотъ, въ Которомъ всѣ ожидаютъ, не только даль Собою примѣръ для подражанія, но даетъ еще и сокровенную благодать Своего Духа вѣрнымъ, изливая ее обильно и на младенцевъ, такъ и тотъ, въ Которомъ всѣ согрѣшили, кроме того, что служить примѣромъ для подражанія добровольно нарушающимъ волю Божію, сокровенною нечистотой своей

¹⁾ Op. imp. II, 172—173.

плотской похоти оскверниль въ себѣ всѣхъ, происходящихъ отъ него»¹⁾. По мнѣнію Августина, апостолъ для того именно выразился—чрезъ одного человѣка, отъ котораго началось рожденіе людей, чтобы научить, что чрезъ рожденіе переходитъ на всѣхъ первородный грѣхъ²⁾.

Юліанъ въ словахъ апостола о вхожденіи грѣха въ міръ чрезъ одного человѣка не усматривалъ ничего такого, что бросало бы тѣнь на человѣческое рожденіе и служило къ осужденію естественной невинности, къ обвиненію божественнаго творенія. Пытаясь, возражаетъ онъ, аргументаціей создать то, чего не содержитъ апостольскія слова, ты прибавляешь, что апостолъ долженъ бы упомянуть діавола, если бы рѣчь шла о подражаніи, но упомянулъ человѣка, а не діавола, чтобы поняли, что онъ говорить о рожденіи. Какой, спрошу я, былъ у тебя поводъ для составленія такого мнѣнія? Развѣ нельзя грѣшить чрезъ подражаніе людямъ? Хотя бесспорное дѣло не вуждается въ свидѣтельствѣ Писанія, однако выслушай Давида: *не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконія. Не ревнуй успѣвающему въ пути своемъ, человѣку лукавирующему* (Пс. XXXVI, 1, 7). Все ветхозавѣтное Писаніе увѣщеваетъ Израиля не подражать обычаямъ нечестиваго племени. Посему, какая необходимость вынуждала, чтобы апостолъ, имѣя въ виду подражаніе, назвать скорѣе діавола, чѣмъ человѣка, зная, что грѣшить можно чрезъ подражаніе какъ діаволу, такъ и людямъ? Или докажи, что нельзя грѣшить чрезъ подражаніе людямъ, или сознайся въ неосновательности своего мнѣнія. А что о діаволѣ написано: *подражаютъ ему принадлежащіе къ удѣлу его*, то я соглашаюсь, что это благоразумно сказано авторомъ той книги, кто бы онъ ни былъ. Но тебѣ это никакъ не помогаетъ, если не докажешь, что нельзя грѣшить по подражанію людямъ.

Подражаніе есть дѣло, души, а рожденіе—пола. Въ добрѣ можно подражать и Богу, и ангеламъ, и апостоламъ: Богу—*будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Ме. V, 48), ангеламъ—*да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мо. VI, 10), апостоламъ—*будьте подражате-*

¹⁾ Де ресс. тег. I, 9—10.

²⁾ Де пирт. II, 45.

лями мнъ, какъ я Христу (1 Кор. XI, 1). А въ злѣ подражаютъ и діаволу, какъ написано: *подражаютъ ему принадлежащіе къ удьлу его* (Прем. II, 25), и людямъ—не будьте чнылы, какъ лицъ мѣры, ибо они принимаютъ на себя мрачные лица (Мѳ. VI, 16), подражаютъ и животнымъ: не будьте какъ конь, какъ лошакъ несмысленный (Пс. XXXI, 9).

Не спрашивается здѣсь, отвѣчаетъ Августинъ, грѣшать ли по подражанію людямъ; всякий знаетъ, что грѣшать. Но спрашивается, какой грѣхъ вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка, тотъ ли, который по подражанію совершился, или тотъ который по рожденію получался (*utrum quod imitando committeretur, an quod nascendo traheretur*). Тотъ первый вошелъ въ міръ не иначе какъ чрезъ діавола, который первый, никому не подражая ввелъ примѣръ грѣха для прочихъ имѣвшихъ подражать. А второй вошелъ въ міръ не иначе какъ чрезъ того, кто первый, никѣмъ не рожденный, ввелъ начало рожденія всѣхъ прочихъ, долженствовавшихъ родиться, т. е., Адамъ. Пойми отсюда, что, говоря о подражаніи людямъ и ангеламъ, ты говоришь совершенно не относящееся къ дѣлу, говоришь только изъ нежеланія молчать. Ибо мы говоримъ не о какомъ-нибудь когда-нибудь согрѣшившемъ человѣкѣ, но о томъ, чрезъ котораго грѣхъ вошелъ въ міръ.

Если спрашиваютъ о первомъ примѣрѣ для подражанія, указывается діаволъ, а если о заразѣ рожденія, указывается Адамъ. Посему Апостолъ, говоря: «чрезъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ», разумѣеть грѣхъ по рожденію, *re-scatum generationis*, ибо грѣхъ по подражанію вошелъ въ міръ не чрезъ одного человѣка, но чрезъ діавола¹⁾.

Подражаніе, продолжаетъ аргументировать Юліанъ, есть чувство души, которое можетъ быть обращено къ предметамъ какъ достойнымъ, такъ и недостойнымъ. Рожденіе же прямо указываетъ на рождающую субстанцію, но въ несобственномъ, въ переносномъ смыслѣ рожденiemъ называются различныя занятія. Отсюда говорятъ, что діаволъ рождаетъ грѣшащихъ, какъ и Господь сказалъ: *ваши отець-діаволъ* (Иоан. VIII, 44). Отцомъ названъ здѣсь тотъ, злобѣ котораго грѣшники подражаютъ. Поэтому, если бы не было сказано, что человѣкъ можетъ подражать человѣку, а апостолъ сказалъ бы, что чрезъ

¹⁾ Op. imp. II, 48—52.

Адама вѣ сoggрѣшили, то я призналь бы, что апостолъ говорить образно, какъ это свойственно Писанию, именно, что какъ Господь названъ отцомъ діавола, который по природѣ не можетъ родить, такъ апостолъ написалъ, что человѣкъ сталъ предметомъ для подражаній; иначе могло бы показаться, что апостолъ выражаетъ нѣчто, противное очевидному разуму. Но апостолъ ничего не говоритъ въ переносномъ,figуральномъ смыслѣ, когда учитъ, что первый человѣкъ грѣшникъ былъ примѣромъ для послѣдующихъ грѣшниковъ.

— Неужели,—отвѣчаетъ Августинъ,—справедливо можно сказать, что Адамъ, а не діаволъ, первый сталъ предметомъ подражанія въ грѣхѣ? Кромѣ того, еслибы апостолъ назвалъ Адама первымъ грѣшникомъ по причинѣ грѣха, которому подражаютъ прочие, то первымъ праведникомъ, какъ первымъ предметомъ для подражанія въ праведности, онъ назвалъ бы Авеля, а не Христа, такъ какъ Авель былъ первымъ праведникомъ, никому не подражавшимъ, но ставшимъ предметомъ для подражанія прочимъ праведникамъ. Но апостолъ назвалъ Адама началомъ грѣха, а Христа началомъ праведности, потому что того признавалъ виновникомъ рожденія, а Этого—виновникомъ возрожденія¹⁾.

Если бы, дѣлается Юліанъ послѣднее возраженіе, апостолъ имѣлъ въ мысли передачу грѣха чрезъ рожденіе, онъ не могъ бы сказать о переходѣ грѣха чрезъ одного человѣка, потому что рожденіе совершается не иначе какъ двумя, мужчиной и женщиной; одного достаточно, чтобы дать примѣръ, но недостаточно, чтобы родить. Апостолъ потому и выразился точно: «чрезъ одного», что предвидѣлъ, по внушенію Св. Духа, современное заблужденіе и желалъ поразить его, чтобы не подумалъ кто-нибудь, что онъ говорить нѣчто въ безславіе установленного Богомъ супружества и благословленного плодородія. Апостолу нужно было указать начало грѣха, и онъ указалъ, что грѣхъ перешелъ чрезъ одного, который не могъ произвести потомства. Согрѣшили, конечно, оба первые человѣка и оба по справедливости называются образомъ будущаго грѣха; почему же апостолъ не говорить, что грѣхъ перешелъ чрезъ двоихъ, что было бы болѣе согласно съ исторіей? Онъ поступилъ въ высшей степени благоразумно. Онъ видѣлъ, что еслибы онъ назвалъ двоихъ, кои дали начало и примѣръ преступле-

¹⁾ II, 58—55. 62.

нію, и сказаъ бы, что чрезъ нихъ перешелъ грѣхъ, то онъ подалъ бы поводъ къ возникновенію заблужденія, будто, именуя двоихъ, онъ осудилъ плотское сношеніе и плодородіе.

Неужели, отвѣтаетъ Августинъ, грѣшники не подражаютъ Евѣ и неужели не чрезъ нее болѣе получилъ начало грѣхъ? *Отъ женщины начало грѣха и чрезъ нее умираемъ всѣ* (Еккл. XXV, 33). Выраженіе — «чрезъ одного» именно скорѣе указываетъ на рожденіе, а не на подражаніе. Ибо какъ отъ женщины было начало грѣха, такъ отъ мужчины — начало рожденія; сначала даетъ сѣмя мужъ, чтобы жена могла родить; потому чрезъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ, что онъ вошелъ чрезъ сѣмя рожденія, воспринимая которое отъ мужа, женщина зачинаетъ. Тѣкимъ способомъ не пожелалъ родиться Тотъ, Кто одинъ безъ грѣха рожденъ женщиною. Въ посланіи къ Евреямъ читаемъ: *отъ одного, и притомъ омертвѣлаго* (Авраама) *родилось такъ много, какъ звѣздъ* (Евр. XI, 12). Апостолъ выразился такъ потому, что Авраамъ родилъ то, что произвела Сарра (*ille genuit, quod illa reperit*). Рождаетъ тотъ по преимуществу, кто даетъ сѣмя, а женщина не рождаетъ, но производить, если же это произведеніе и можетъ быть названо рожденіемъ, то женщина предварительно зачинаетъ производимое отъ рождающаго мужа, подобно тому, какъ сказано: Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Іакова и т. д.; не сказано: Авраамъ и Сарра родили Исаака, Исаакъ и Ревекка родили Іакова. А гдѣ нужно было упомянуть мать, тамъ евангелистъ говорить: «Іуда родилъ Фареса и Зару отъ Ѳамари», а не Іуда и Ѳамарь родили Фареса и Зару. Кромѣ того, можетъ быть и потому апостолъ сказалъ, что чрезъ одного, а не чрезъ двоихъ грѣхъ вошелъ въ міръ, что написано: *будутъ два — одна плоть* (Быт. II, 24), почему Господь и говоритъ: *уже не суть два, но одна плоть* (Мѳ. XIX, 6), особенно, когда происходитъ плотское сношеніе, откуда рождается потомство¹⁾.

Выраженіе — «будутъ два одна плоть» Юліанъ не находилъ возможнымъ отожествлять съ выражениемъ: «будутъ два человѣка — одинъ человѣкъ», потому что относилъ ихъ исключительно къ дѣлу плотскому, къ половому спошенню. Если бы апостолъ, говоря — «чрезъ одного человѣка», имѣлъ въ мысли единеніе мужа и жены въ одну плоть въ половомъ актѣ, то

¹⁾ Ор. імр. II, 56, III. 85; 88.

онъ сказаль бы, что грѣхъ вошелъ въ міръ чрезъ одну плоть, а не чрезъ одного человѣка. При рождениіи передается одна плоть, а весь человѣкъ состоять изъ плоти и духа. Поэтому апостоль не могъ сказать—«чрезъ одного человѣка», еслибы имѣть въ виду передачу грѣха чрезъ плотское рожденіе. На это Августинъ доказываетъ, что въ Писаніи часто человѣкъ именуется плотю, какъ и въ обычной рѣчи часть называется вмѣсто цѣлаго. Кромѣ того, одною плотью два, мужъ и жена, могутъ быть названы и не по дѣйстію плотской похоти, потому что иначе нельзя было бы прилагать ко Христу и церкви словъ: «будуть два одна плоть». Если Христосъ и церковь могутъ быть одною плотью, то и мужъ съ женой могутъ бы соединяться не постыдною похотью, но похвальною любовію ради рожденія дѣтей, если бы никто не согрѣшилъ. Посему и Господь сказалъ: «уже не суть — два, но одна плоть», а не сказалъ: «не суть двѣ плоти, но одна плоть». Что значить: «не суть два», если не значитъ: «не суть два человѣка».¹⁾

Непонятнымъ представляется на первый взглядъ, почему Юліанъ такъ настойчиво защищаетъ мысль о вліяніи грѣха Адамова на человѣчество не переходомъ, но подражаніемъ. Повидимому, ему достаточно было защищать ту мысль, что апостоль говорить не о распространеніи, а о появлениіи грѣха въ мірѣ; тѣмъ болѣе, что далѣе онъ самъ обращаетъ особенное вниманіе на раскрытие мысли, что апостоль, не говорить о переходѣ грѣха на всѣхъ людей, а говорить о переходѣ смерти на всѣхъ, о грѣхѣ же говорить только, что онъ вошелъ въ міръ, появился въ міръ чрезъ одного человѣка. Но уже отсюда можно понять, что передачу грѣха по подражанію Юліанъ защищалъ только въ полемическихъ цѣляхъ, въ противовѣсь ученію Августина о передачѣ грѣха чрезъ рожденіе, соглашаясь допустить съ противникомъ, что апостоль говорить не только о вхожденіи грѣха въ міръ, но и о появлениіи его во всемъ человѣчествѣ. Если можно сказать, что въ человѣчествѣ оказался грѣхъ чрезъ Адама, то дѣйствительно неизбѣжно было бы поставить вопросъ: какимъ же образомъ это произошло, какимъ образомъ человѣчество чрезъ Адама оказалось въ грѣхѣ? На этотъ вопросъ возможны только тѣ два отвѣта, которые были даны Августиномъ и

¹⁾ Op. imp. II, 59. 61.

Юліаномъ согласно съ принципіальными сторонами ихъ возвѣній.

Съ точки зрѣнія Юліана передача зла отъ одного человѣка другому мыслима только въ смыслѣ вліянія дурнаго примѣра: «зло не можетъ переходить иначе, какъ только чрезъ подражаніе»¹⁾; такую передачу грѣха Адамова людямъ онъ и защищалъ. При этомъ очень возможно, что онъ не посмѣль прямо оспаривать ученіе о вліяніи грѣха Адамова на человѣчество также и потому, что не хотѣль защищать давно осужденное церковю пелагіанско положеніе: грѣхъ Адама повредилъ только самому Адаму, а не роду человѣческому.

Несостоятельность мысли, что грѣхъ Адамовъ повредилъ человѣчеству, какъ примѣръ грѣха, настолько очевидна, что, безъ сомнѣнія, и самъ Юліанъ сознавалъ ее и лишь въ видахъ полемики видѣль себя вынужденнымъ защищать свою мысль. Августинъ справедливо указывалъ ему, что большинство грѣшниковъ въ человѣчествѣ не слыхали не только о грѣхѣ Адама, но и о самомъ существованіи Адама, а если и слыхали, то во всякомъ случаѣ грѣшили безъ всякой мысли объ Адамѣ²⁾. Противъ этого Юліанъ былъ бессиленъ возражать.

Справедливость требуетъ сказать, что и Августиново объясненіе передачи грѣха Адамова не болѣе состоятельно и вызываетъ еще болѣе непреодолимыхъ затрудненій. Августинъ защищаетъ мысль, что грѣхъ Адамовъ передается людямъ чрезъ рожденіе или по рожденію. Но развѣ грѣхъ субстанція или свойство субстанціи человѣческой природы, чтобы емуходить вмѣстѣ съ природой, какъ справедливо возвращаютъ Августину Пелагій и Целестій? И если грѣхъ можетъ наследственно передаваться, то почему этой привилегіей воспользовался только одинъ Адамовъ грѣхъ, спрашивалъ Юліанъ? Въ отвѣтъ на эти вопросы Августинъ говорилъ совершенно не относящееся къ дѣлу и доказалъ лишь естественность передачи свойствъ природы, доказалъ, нужно сказать неопровержимо, безусловно побѣдоносно, что отъ разстроенной, падшей природы Адама и человѣчество должно было произойти падшее. Къ сожалѣнію, онъ на этомъ не остановился и сталъ учить о переходѣ вмѣстѣ съ разстройствомъ природы и самого грѣха Адамова, какъ причины

¹⁾ Op. imp. II, 55.

²⁾ Contra Julian VI, 75; cf. Op. imp. II, 176.

этого разстройства, причемъ неизбѣжно долженъ быть впасть въ крайнія затрудненія, которыхъ дали сильное оружіе въ руки его противниковъ. Поводомъ къ возникновенію странного мнѣнія о передачѣ грѣха Адамова людямъ, послужило, по-видимому, то обстоятельство, что Августинъ вслѣдствіе слабости своихъ познаній въ греческомъ языкѣ¹⁾ слишкомъ поверхностно понялъ учение ап. Павла о грѣхѣ. Когда ап. Павелъ употребляетъ такія, напр., выраженія, какъ: грѣхъ ожилъ, грѣхъ вошелъ въ міръ, грѣхъ умеръ, грѣхъ обольстилъ меня, то ясно, что онъ употребляетъ слово грѣхъ, ἄμαρτία, для обозначенія живущаго въ человѣкѣ грѣховнаго начала, называемаго имъ иначе закономъ грѣха, закономъ въ членахъ, душевнымъ человѣкомъ, ветхимъ человѣкомъ, плотью и т. п. И потому, когда онъ говоритъ, что чрезъ Адама грѣхъ вошелъ въ міръ, т. е., въ человѣчество, то это значитъ, что чрезъ Адама появилось грѣховное начало, законъ грѣха въ человѣчествѣ, ἄμαρτία, что всѣ люди стали грѣшными (см. толков. Св. Иоан. Златоуста), Августинъ же переводить вездѣ ἄμαρτία словомъ *рессатум*, удерживая за *рессатум* его собственное значеніе, значеніе вины, преступленія, нарушенія воли Божіей, отожествляя *рессатум* съ греческимъ παράβασις παράβωρα παρахоу.

Переходъ на всѣхъ людей того, что апостолъ называетъ ἄμαρτία Адама, совершенно понятенъ и неизбѣженъ; переходъ же на всѣхъ людей того, что апостолъ называетъ παράβασις Адама, не имѣть никакого смысла и апостолъ никогда не учить объ этомъ. Тотъ фактъ, что Августинъ всякий разъ, какъ начинаетъ доказывать передачу «грѣха», «рессатум», въ дѣйствительности доказываетъ лишь передачу порчи, *vitium*, на первый взглядъ вызываетъ сомнѣніе не училь ли Августинъ именно о передачѣ *рессатум* въ смыслѣ ἄμартиа, а не въ смыслѣ παράβασις; но это сомнѣніе Августинъ безусловно устраняетъ, настойчиво проводя во всѣхъ своихъ полемическихъ противупелагіанскихъ сочиненіяхъ ту мысль, что *vitium* или *vitiositas naturae*, т. е., то, что у апостола имеется ἄμартиа, не есть *рессатум originale*, первородный грѣхъ, а есть лишь слѣдствіе послѣдняго: отъ Адама переходить на людей *vitium naturae*, но переходить и *рессатум primum*, первый грѣхъ, какъ причина этого поврежденія. Въ крещеніи

¹⁾ Въ чёмъ и самъ признавался. Confes. I, 3. 14; VII, 18.

reccatum Адама или reccatum originale, первородный грѣхъ, прощается человѣку, въ то время какъ vitiositas остается.

Страннымъ представляется на первый взглядъ, почему Юліанъ, въ общемъ болѣе сильный въ своихъ познаніяхъ въ греческомъ языкѣ, не обратилъ вниманія на такую важную ошибку Августинца, какъ смѣшеніе понятій ἀμαρτία и παρά-
Засіс, грѣхъ и преступленіе. Но дѣло въ томъ, что и переходъ на всѣхъ людей ἀμαρτία или закона грѣховнаго, раз-
стройства природы, не могъ быть допущенъ имъ, а напротивъ, прямо отвергался центральнымъ пунктомъ его доктрины. Сознавали ли оба полемиста, съ какими явными натяжками они объясняли слова апостола, или нѣтъ, дѣло ихъ совѣсти.

Предложивъ читателю внимательно вникать въ его слова, Юліанъ находить далѣе, что въ словахъ апостола не содер-
жится мысли о переходѣ грѣха отъ одного человѣка на всѣхъ людей. Апостоль сказалъ только, что грѣхъ вошелъ въ міръ, но о переходѣ грѣха на всѣхъ ничего не говорить, а гово-
рить только о переходѣ на всѣхъ смерти. Если бы въ сло-
вахъ «чрезъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ и чрезъ
грѣхъ смерть» уже заключалась мысль о переходѣ на всѣхъ людей грѣха и смерти, т. е., если бы эти слова значили, что на всѣхъ людей перешли, или во всѣхъ вошли чрезъ Адама
грѣхъ и смерть, то совершенно излишни были бы дальнѣй-
шія слова: *и такимъ образомъ смерть перешла на всѣхъ людей*. Это раздѣленіе грѣха и смерти показываетъ, что грѣхъ и смерть
появились въ мірѣ чрезъ одного человѣка, но на всѣхъ людей перешла только смерть, а не грѣхъ, смерть перешла,
какъ наказаніе за преступленіе, «поражая не съмена тѣлъ,
но пороки нравовъ». Первый человѣкъ оказался виновнымъ и подвергся осужденію на вѣчную смерть. Эта смерть поражаетъ
всякаго преступника во всѣ времена, но только преступника,
а святыхъ и невинныхъ не касается. Преступленіе Адама не
сдѣлалось прирожденнымъ, но стало образцомъ грѣха, и по-
тому не тяготѣть на рождающихся, но осуждаетъ подражаю-
щихъ. А смерть карательная пребываетъ постольку, поскольку
всѣ согрѣшили, но свободною волею: «словомъ «всѣ» въ Пи-
санії обычно обозначается множествомъ, а не универсальность¹⁾).

¹⁾ Вотъ прямой поводъ для Августина сказать, что Юліанъ не пра-
вильно понялъ его ученіе, приписывая ему именно переходъ преступле-
нія Адамова на всѣхъ людей. Но этого Августинъ не дѣлаетъ какъ
здесь, такъ и во всей своей полемикѣ, откуда уже само собою совер-

Повидимому, отвѣчаетъ Августинъ, не совсѣмъ ясно, что именно перешло на всѣхъ, грѣхъ ли или смерть или то и другое. Но если бы не перешелъ грѣхъ, не рождался бы всякий человѣкъ съ закономъ грѣха въ членахъ своихъ¹⁾; а если бы не перешла смерть, не умирали бы всѣ люди; смерть — наказаніе за вину; если переходить наказаніе, то переходить и вина, т. е. грѣхъ. Какъ ни уклоняйся, не можешь извратить основаній православной вѣры. И самъ ты противорѣчишь себѣ: теперь говоришь, что грѣхъ не перешелъ, а перешла только смерть, раньше же говорилъ, что грѣхъ перешелъ только не передачей при рождениіи, а какъ примѣръ. Итакъ, со смертю переходить грѣхъ. Чтобы не признать, что при самомъ рождениіи (*originaliter*) переходить грѣхъ, ты не признаешь, что при рождениіи переходить смерть. Но что смерть тѣлесная переходить на всѣхъ людей, будучи наказаніемъ за грѣхъ, это столь ясно, что и самъ епископъ Пелагій на Палестинскомъ соборѣ не посмѣлъ отрицать этого. На всѣхъ людей перешла и тѣлесная смерть и смерть вторая, духовная по которой духъ будетъ мучиться вмѣстѣ съ тѣломъ по винѣ рода человѣческаго. Не позволяетъ царствовать этой второй смерти только благодать Искупителя, разрушившаго державу смерти. Наука пытается извратить слова правыя и затемнить ясныя. Въ комъ всѣ умираютъ, въ томъ всѣ и согрѣшили; это — Адамъ, въ которомъ дѣти если не умираютъ, и со Христомъ не оживутъ: *какъ въ Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христъ всѣ оживутъ*¹⁾. Апостолъ говоритъ; и такимъ образомъ смерть перешла на всѣхъ людей, т. е., какимъ вошла: съ грѣхомъ или чрезъ грѣхъ вошла, съ грѣхомъ или чрезъ грѣхъ и переходить (Ор. imp. II, 195).

Августинъ, такимъ образомъ, не устранилъ возраженія Юліанова, зачѣмъ апостолъ особливо говорить о переходѣ на всѣхъ смерти, если этотъ переходъ уже выраженъ въ словахъ о вхожденіи въ міръ, т. е., въ человѣчество, грѣха и смерти. Юліанъ очевидно уклоняется отъ вселенскаго церковнаго уче-

---

шенно ясно, что Юліанъ правильно понималъ его ученіе о переходѣ на всѣхъ грѣха Адамова. Впрочемъ, это ясно и изъ ученія самого Августина.

¹⁾ Такимъ образомъ законъ грѣха, *lex peccati*, т. е., именно то, что у ап. именуется *законъ*, по Августину, переходить вмѣстѣ съ передачей самого преступленія Адамова, какъ слѣдствіе его.

²⁾ 1 Кор. XV, 22; Ор. imp. II, 62—68.

нія о происхождении тѣлесной смерти чрезъ грѣхъ Адама. Августинъ побѣдоносно защищаетъ это ученіе и показываетъ, что въ словахъ апостола о переходѣ смерти на всѣхъ людей оно ясно выражено. Но въ этой защитѣ онъ обнаруживаетъ свое безсиліе защитить свое понятіе о первородномъ грѣхѣ. Онъ неопровергимо показалъ, что переходъ на всѣхъ людей смерти былъ бы необъяснимъ, если бы не переходила и самая причина смерти. Но въ чёмъ эта причина? Въ грѣхѣ ли Адама, или въ томъ *lex peccati*, наследственный переходъ котораго неоспоримъ? Грѣхъ Адама есть историческое начало того тлѣнія духовнаго (*φυλάκη*), которое естественнымъ и неизбѣжнымъ своимъ слѣдствіемъ имѣло и тлѣніе тѣлесное или смерть.

Такимъ образомъ переходъ на всѣхъ людей смерти свидѣтельствуетъ о переходѣ на всѣхъ людей *ἀμαρτία*, а не *παράβασις* Адама. Чтоходить *ἀμαρτία* или *lex peccati* — это понятно, но что этотъ переходъ свидѣтельствуетъ и о переходѣ самого преступленія Адама, вины первого человѣка, это совершенно непонятно и непослѣдовательно. По этой логикѣ, дѣти алкоголика оказываются виновными въ грѣхѣ родителя, почему и получаютъ наследственный алкоголизмъ; такъ дѣйствительно Августинъ и утверждалъ¹⁾). Весьма важное значение въ толкованіи данныхъ словъ апостола, имѣть вопросъ, въ какомъ смыслѣ апостолъ говорить о переходѣ смерти на всѣхъ и о томъ, что всѣ согрѣшили, въ собственномъ ли, универсальномъ смыслѣ, или въ ограниченномъ, въ смыслѣ *многое*.

Юліанъ употребляетъ всѣ усилия, чтобы защитить послѣднее пониманіе; онъ приводить различныя изреченія изъ Св. Писанія, въ коихъ слово *всѣ* употреблено вместо *многое*. Такъ, пишетъ онъ, въ псалмѣ читаемъ: *всѣ уклонились, сдѣлались равно непотребными и немногого далѣе: съльдающіе народъ мой какъ падатъ хлѣбъ* (Пс. XIII, 3, 4), показывая, что народъ его отличенъ отъ всѣхъ тѣхъ, кои дѣлаютъ беззаконіе. Въ евангеліи читаемъ: *говорятъ ему* (Пилату) *всѣ: да будетъ распятъ* (Мѳ. XXVII, 22; Лук. XXIII, 21). Однако къ этимъ всѣмъ не принадлежали апостолы, Никодимъ, святые жены. И самъ апостолъ тѣхъ самыхъ, коихъ назвалъ здѣсь всѣми, немногого далѣе называетъ многими.—Итакъ, всѣми апостолъ называетъ весьма многихъ, кои потому, говорить, повинны

¹⁾ Op. imp. II, 177.

грѣху, что согрѣшили собственою волею; обвиняетъ не природное, но добровольное преступление (*non originale, sed voluntarium crimen*).

Всѣмъ, отвѣчаетъ Августинъ, не противоположны многіе, потому что всѣ могутъ быть и многими и немногими; поэтому, когда называетъ апостолъ всѣхъ многими, то означаетъ только то, что эти всѣ очень многочисленны. Справедливо сказано въ псалмѣ: «всѣ уклонились, сдѣлались равно непотребными», но псаломпѣвецъ отличаетъ сыновъ человѣческихъ, кои уклонились всѣ, отъ сыновъ Божіихъ, коихъ не пожрали уклонившіеся. Ибо сказано, что Богъ воззрѣлъ на сыновъ человѣческихъ и эти всѣ уклонились. Изъ этихъ всѣхъ уклонившихся состоялъ и весь тотъ народъ, который кричалъ: *распни, распни!* Къ этому народу никоимъ образомъ не принадлежать тѣ, кои увѣровали во Христа. *Одинъ за всѣхъ умеръ;* если посмѣешь сказать, что не всѣ мертвы, то апостолъ немедленно зажметъ тебѣ ротъ, говоря: *если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли* (2 Кор. V, 14—15). На всѣхъ этихъ съ грѣхомъ перешла смерть чрезъ того, въ комъ всѣ умираютъ; здѣсь и дѣти, потому что и за нихъ Христосъ умеръ, Который потому за всѣхъ умеръ, что всѣ мертвы. Открой глаза: въ Адамѣ всѣ умираютъ. Если дѣти въ немъ не умираютъ, то и во Христѣ не оживутъ. Зачѣмъ съ преступнымъ притворствомъ прибѣгаете къ крещенію оживителя и спасителя съ тѣми, кои, какъ живые и здоровые, не нуждаются въ исцѣленіи и оживленіи¹⁾?

Августинъ справедливо указываетъ, что всѣхъ можно назвать и многими и что такимъ образомъ нѣтъ никакой необходимости понимать слово «всѣ» въ ограниченномъ смыслѣ. Правильность его подтверждается всѣмъ дальнѣйшимъ содержаніемъ V главы, при объясненіи котораго Августинъ неоднократно возвращается къ вопросу о пониманіи выражений «всѣ» и «многіе».

Вѣ nemъ же вси согрѣшиша, in quo omnes recesserunt. Августинъ находилъ, что въ этихъ словахъ мысль апостола выражена *circum specie, proprie, sine ambiguitate,* ясно, буквально, безъ всякой неопределѣленности. Если, разсуждаетъ онъ, ты будешь относить *in quo* къ грѣху, который вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка, т. е. будешь понимать это

¹⁾ II, 175—176.

выражение въ смыслѣ: въ какомъ грѣхѣ всѣ согрѣшили, то ясно, что иное дѣло—собственные грѣхи каждого, въ коихъ виновны только тѣ, коимъ эти грѣхи принадлежать, и иное дѣло тѣль одинъ грѣхъ, въ которомъ всѣ согрѣшили, когда всѣ были тѣль одинъ человѣкъ (*quando omnes unus ille fuerunt*). Если же относить *in quo* не къ грѣху, а къ тому первому человѣку, въ которомъ одномъ согрѣшили всѣ люди, то и это объясненіе совершенно удобопонятно (*quid etiam ista est manifestatione manifestius?* De рес. мер. I, 11). Можно наконецъ относить *in quo* къ смерти, и не нужно смущаться что апостолъ не сказалъ—*in qua (morte)*, потому что слово смерть по гречески мужескаго рода, ὁ θάνατος. Итакъ, пусть выбираютъ, что угодно: или всѣ согрѣшили въ одномъ человѣкѣ, потому что когда согрѣшилъ этотъ человѣкъ, въ немъ были всѣ; или всѣ согрѣшили въ томъ грѣхѣ, потому что общимъ достояніемъ всѣхъ стало то, что имѣли получить всѣ рождающіеся; или же всѣ согрѣшили въ той смерти, но какъ это понять, не совсѣмъ ясно вижу. Ибо въ грѣхѣ умираютъ всѣ, но не всѣ грѣшатъ въ смерти: смерть слѣдуетъ за предшествовавшимъ грѣхомъ, а не грѣхъ за предшествующую смертью. Жало смерти црквѣ (1 Кор. XV, 56), т. е. жало, отъ укола которого происходитъ смерть, а не жало, которымъ укалываетъ смерть, подобно тому, какъ выпитый ядъ называется бокаломъ смерти, потому что отъ этого бокала произошла смерть, а не потому, что бокаль созданъ смертью или данъ смертью.

Но выраженіе *in quo* цѣлья относить къ грѣху, потому что въ греческомъ текстѣ грѣхъ обозначенъ словомъ женскаго рода, ἡ ἀμαρτία; поэтому остается принять, что всѣ согрѣшили въ томъ первомъ человѣкѣ, потому что всѣ были въ немъ, когда онъ согрѣшилъ, откуда и получается грѣхъ при рождении, прощаемый только при возрожденіи (*nascendo trahitur quod nisi renascendo non solvitur*). Такъ понималъ слова апостола: *in quo omnes recessaverunt* и св. Иларій, который пишетъ: «*in quo*, т. е. въ Адамѣ, всѣ согрѣшили», и потомъ прибавляетъ: «ясно, что въ Адамѣ всѣ согрѣшили, какъ бы въ массѣ (*quasi in massa*). Ибо самъ поврежденъ грѣхомъ и всѣ, коихъ родилъ, рождены подъ грѣхомъ» ¹).

Юліанъ высказалъ двоякое пониманіе приведенныхъ словъ

¹) *Contra duas epist. pelag. IV, 7.* Что касается толкованія, приписываемаго св. Иларію, то оно содержится въ комментаріяхъ, приписы-

апостола. Въ первомъ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ первой книги Августина *De nuptiis* онъ утверждаетъ, что *in quo* сказано въ смыслѣ *propter quod*, по причинѣ чего; подобно тому какъ въ псалмѣ написано: *in quo corrigit junior viam suam* (Пс. CXVIII, 9). Т. е. всѣ люди согрѣшили всѣдѣствіе того, что Адамъ согрѣшилъ, такъ какъ всѣ въ совершеніи грѣховъ подражаютъ Адаму. Слабость этого толкованія Августинъ легко показалъ. Кто, пишетъ онъ, настолько безуменъ, чтобы утверждать, что этотъ человѣкъ совершилъ убійство по той причинѣ, что Адамъ въ раю взялъ пищу отъ запрещенного дерева, тогда какъ этотъ въ разбояѣ убилъ человѣка безъ всякой мысли объ Адамѣ, но чтобы овладѣть золотомъ убитаго? Такъ и всѣ прочіе собственныи грѣхи совершаются по своимъ причинамъ, при чемъ человѣкъ не думаетъ о грѣхѣ первого человѣка и не беретъ его въ примѣръ. Нельзя сказать, что и Каинъ согрѣшилъ по той причинѣ, что согрѣшилъ Адамъ, ибо известно, по какой причинѣ онъ убилъ брата. Напрасно ссылается и на слова псалма: *in quo corrigit* дѣйствительно равносильно выраженню *propter quid corrigit*, такъ какъ далѣе слѣдуетъ: *in custodiendo verba tua*, въ храненіи словъ твоихъ. Юноша исправляетъ свой путь по причинѣ того, что понимаетъ слова Божіи такъ, какъ они должны быть понимаемы; понимая, хранить, а храня, праведно живеть. Такимъ образомъ у него причина исправленія пути та, что онъ хранить слова Божіи¹⁾.

Юліанъ видимо и самъ сознавалъ слабость своего толкованія и потому въ своемъ сочиненіи противъ 2-й книги Августина «de nuptiis» высказалъ иное объясненіе, именно, что *in quo* равносильно *quia*, потому что, т. е., смерть перешла на всѣхъ людей, потому что всѣ согрѣшили. Это толкованіе согласно съ Пелагіевымъ, его Юліанъ и старался держаться, при чемъ подъ всѣми разумѣлъ всѣхъ согрѣшившихъ, исключая отсюда младенцевъ и праведниковъ.

Мысль Августина, что въ Адамѣ согрѣшили всѣ люди, Юліанъ находилъ безмысленною и противорѣчащею самому словамъ апостола. Еслибы, разсуждалъ онъ, апостолъ признавалъ, что грѣхъ переходитъ на всѣхъ чрезъ рожденіе, т. е.,

вавшихся нѣкогда Амвросію, но принадлежавшихъ, какъ полагають діакону Иларію, еретику Люциферіанину, родомъ сардійцу. Vide s. Augustini opera omnia. Editio Benedict. Parisiis. 1888. T. X. p. 1. p. 897.

¹⁾ Contra Julianum. VI, 75—76.

переданъ отъ Адама на тѣхъ, кои не существовали при совершеніи его, то апостоль несправедливо сказалъ бы, что всѣ согрѣшили, ибо нельзѧ въ собственномъ смыслѣ сказать, что всѣ совершили то, что совершилъ одинъ и направилъ на другихъ. Надо признать одно изъ двухъ: или грѣхъ перешель на потомковъ Адама и сами они не согрѣшили, или же сами согрѣшили и тогда грѣхъ перешель на нихъ не иначе какъ чрезъ подражаніе. Достойна осмѣянія твоя мысль, что грѣхъ перешелъ тогда, когда, по твоему выражению, «всѣ люди были тотъ одинъ человѣкъ». Здѣсь выразилось давнѣо осужденное нечестіе Тертулліана и Манихеевъ, по которому ты признаешь такую же передачу душъ, какъ и тѣль. Ты стараешься отклонить отъ себя обвиненіе въ традиціонизмѣ¹⁾, но тщетно, потому что какъ же иначе мыслишь о происхожденіи душъ, если увѣряешь, что всѣ люди были тотъ одинъ человѣкъ, Адамъ? Да и не одинъ Адамъ былъ при совершеніи грѣха, а двое, онъ и жена его, два человѣка, отъ субстанціи коихъ, а не отъ вины размножился родъ человѣческій согласно божественному установленію. Авело нисколько не повредилъ грѣхъ родителей, святость его засвидѣтельствована Писаніемъ; напротивъ, Кайнъ, происходя отъ той же природы, но движимый иною волею терзается ужасомъ. Такимъ образомъ, пра-веславная мысль апостола выражена словами, коими показывается предшествующій примѣръ и послѣдующее усердіе подражающаго. Если бы апостолъ хотѣлъ сказать, что рожденіе осквернено грѣхомъ и виновно, онъ не сказалъ бы, что грѣхъ вошелъ чрезъ одного человѣка, а сказалъ бы—чрезъ двоихъ, и не сказалъ бы: *постольку перешла смерть, поскольку всѣ согрѣшили*, но сказалъ бы: постольку, поскольку всѣ произошли отъ діавольского удовольствія и плоти первого человѣка и первой женщины. Если бы апостолъ сказалъ это, то онъ не вашъ догматъ утвердилъ бы, а разрушилъ бы все свое ученіе.

Я могъ бы, отвѣчаетъ Августинъ, спросить тебя: какимъ образомъ послѣдовали примѣръ Адама потомки его, кои не были тамъ и не видѣли самаго грѣха или даже не слыхали о немъ или не вѣрили, что онъ былъ? Но скажу не это, а приведу слова св. Амвросія: «былъ Адамъ и въ немъ были всѣ мы, погибъ Адамъ и въ немъ погибли всѣ, посему въ

¹⁾ *Contra duas epist. pelag. III; 26.*

немъ всѣ умираютъ».¹⁾.. Если кто же умѣренностью причинить себѣ подагру и передать ее сыновьямъ, что случается часто, то ужади несправедливо сказать, что этотъ порокъ, перешель на нихъ отъ родителя? Они сами совершили его въ родителѣ, поеинку были въ немъ, когда онъ совершалъ, и такимъ образомъ они и онъ были одно и совершили грѣхъ *pro actione hominum, sed ratione jam seminum*. Апостолъ зналъ, что всякий разъ какъ оказывается какая-нибудь болѣзнь въ тѣлѣ, она произошла отъ того древняго и великаго грѣха прародителя, коимъ повреждена вся человѣческая природа. Посему и говорить: *чрезъ одного человека грѣхъ вошелъ въ міръ и чрезъ грѣхъ смерть, и такимъ образомъ смерть вошла во всѣхъ людей, въ немъ же все согрѣшиша*. Онъ имѣлъ въ виду восхвалить благодать Христову, составляя образъ отъ противнаго и противополагая начальника возрожденія начальнику рожденія. Ты думаешь, что нельзя назвать человѣкомъ одно тѣло человѣка, но самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ при Понтиѣ Пилатѣ распять и погребенъ, какъ исповѣдуется вся церковь, и однако погребено было одно тѣло Христово. По твоей логикѣ и о первомъ человѣкѣ Писанію не слѣдовало говорить: *и создалъ Богъ человека перстъ отъ земли* (Быт. II, 7), такъ какъ изъ земли взято одно тѣло человѣка. Обвинайте и самого Бога въ заблужденіи, Который, угрожая человѣку смертю, сказалъ: *земля ты и въ землю пойдешь* (Быт. III, 19), тогда какъ по твоему мнѣнію слѣдовало сказать: тѣло твое земля и въ землю пойдетъ. Бывшіе прежде настѣ учители согласно съ Писаниемъ сказали: «былъ Адамъ и въ немъ были всѣ мы»; поэтому и я, сказалъ: «всѣ были одинъ тотъ», такъ какъ и тѣ два, мужчина и женщина, уже не были два, но одна плоть. Всѣ, рожденные отъ Адама, были — онъ одинъ или по тѣлу только или и по душѣ, чего я, признаюсь, не знаю и не стыжусь своего незнанія. Итакъ, отъ того одного, отъ котораго всѣ происходятъ, всѣ получаютъ первородный грѣхъ при рожденіи. А Ева зачала и родила послѣ, хотя согрѣшила прежде; посему и Св. Писаніе говоритъ, что въ чреслахъ отца Авраама были сыны Левія и въ немъ получили десятину отъ перво-священника Мелхиседека.

Ты называешь Авеля праведнымъ; почему же апостолъ не поставилъ его въ примѣръ для подражанія, но когда го-

¹⁾ Lib. XII in Luc. XV, 24.

ворить о двухъ человѣкахъ, изъ которыхъ одинъ вводить въ осужденіе, а другой въ оправданіе, назваль Адама и Христа? Если Авель не имѣть въ членахъ своихъ закона, противищаагося закону ума, и если плоть его не похотствовала противъ духа, то ему дѣйствительно не повредилъ грѣхъ родителей. Но кто говорить, что Авель былъ таковъ именно, туть пустъ скажеть, что онъ не имѣть и плоти грѣха; но Христосъ Господь не имѣть бы подобія плоти грѣха, еслибы плоть всѣхъ прочихъ людей не была плотю грѣха¹).

Здѣсь толкованіе Августина получаетъ бесспорное преимущество предъ Юліановымъ, такъ какъ оно опирается на авторитетъ вселенской церкви и находить себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшемъ ходѣ мыслей апостола. Если доселѣ не было необходимости относить рѣчъ апостола ко всему человѣчеству, то здѣсь бесспорно сдѣланъ этотъ переходъ, такъ какъ это было необходимо для раскрытия излагаемыхъ истинъ. Августинъ бесспорно правъ, усматривая въ 12 стихѣ и защищая мысль о разстройствѣ человѣческой природы въ Адамѣ, мысль общепризнанную церковнымъ вселенскимъ авторитетомъ. Мысль эта, будемъ ли понимать єѳ'ѡ въ Августиновомъ или Юліановомъ смыслѣ, выражена здѣсь дѣйствительно evidenter, очевидно, если только не будемъ совершенно произвольно измѣнять смыслъ словъ «всѣ» и «смерть»; если всѣ согрѣшили, то согрѣшили не иначе, какъ въ Адамѣ. Но это самое юнартоу, согрѣшили, Августинъ дѣйствительно понималъ слишкомъ односторонне и грубо, и это было роковой ошибкой его. Если бы онъ понялъ, что нѣтъ никакой необходимости понимать это «согрѣшили» въ дѣйствительномъ залогѣ, въ смыслѣ: совершили грѣхъ, то онъ не былъ бы поставленъ въ необходимость создавать и защищать ни съ чѣмъ несообразное ученіе о передачѣ именно первого грѣха Адамова всѣмъ людямъ, какъ грѣха первороднаго. А необходимости понимать такъ юнартоу не было никакой, потому что ясно, что оно совершенно равнозначуще съ выраженіемъ 19 стиха: ἀμαρτωλὰ κατεστάθησαν, стали грѣшниками или оказались грѣшниками, такъ какъ въ Адамѣ пала человѣческая природа. Поэтому св. Іоаннъ Златоустъ, лучшій знатокъ подлиннаго апостольскаго текста, находилъ въ 12 стихѣ только ту мысль, что «какъ скоро палъ одинъ, чрезъ него стали смертными всѣ, даже и не ѿшедшие

¹⁾ Ор. кнр. II; 174—184.

запрещенного плода». А по словам св. Ефрема Сирине, «какъ Адамъ посъяль грѣховную нечистоту въ чистыя тѣла и вложена была закваска зла во всю нашу массу (естество), такъ Господь нашъ посъяль праведность въ тѣло грѣха и закваска его всю нашу массу (естество) смѣшила». Также и блаж. Феодоритъ: «находясь подъ смертнымъ приговоромъ Адамъ въ такомъ состояніи родилъ Еавна, Сиеа и другихъ. И потому всѣ, какъ проишедшіе отъ осужденнаго на смерть, имѣли остатство смертное». При этомъ въ выраженіи єѳ'ѡ паче Ѣмарто блаж. Феодоритъ, быть можетъ, подъ влияніемъ Феодора Мопсуестійскаго, находилъ указаніе на то, что «не за прародительский, а за свой собственный грѣхъ приемлетъ на себя каждый осужденіе смерти» (см. Толков. бл. Феодорита на Римл. V, 12).

Въ современной экзегетической литературѣ принято понимать выражение єѳ'ѡ въ смыслѣ «потому что», какъ понималъ Юліанъ, но съ удержаніемъ мысли Августина, что всѣ люди могли согрѣшить не иначе, какъ въ Адамѣ; отсюда въ русскомъ переводе читаемъ: *потому что въ немъ весь согрѣшили*, хотя подлинный текстъ даетъ основаніе принимать которое-нибудь изъ двухъ, или «потому что» или «въ немъ». Толковники указываютъ, что грамматически невозможно выражение єѳ'ѡ переводить — «въ немъ» и что апостоль не употребляетъ этого выраженія въ такомъ смыслѣ, тогда какъ въ смыслѣ «потому что» употребляется неоднократно (2 Кор. V, 4; Филип. III, 12, см. Grammatik des Neutestam. Griechisch. Friedrich Blass. Göttingen. 1896. s. 134; ср. Comment. Meyer, Philippi, Bengel, Weiss, Olshausen, Godet, изъ русскихъ особенно еп. Феофанъ, арх. Филаретъ въ Догм. Бог. т I стр. 356 — 359, В. Мышицынъ въ соч. — Ученіе ап. Павла о законѣ вѣры и законѣ дѣла. Москва. 1894. стр. 138 и дал.). Лишь немногіе высказываются безусловно въ смыслѣ отнесенія єѳ'ѡ къ Адаму (напр. J. Bautz. Grundzüge der katdisch. Dogmatik. Mainz. 1889. II. s. 85—86). Нѣкоторые цѣликомъ принимаютъ толкованіе Юліана, напр., W. Schmidt (въ своей Christliche Dogmatik. Bonn. 1898. s. 291—295). Свое толкованіе Schmidt обосновываетъ на пониманіи Ѣмарто въ буквальномъ, дѣйствительномъ значеніи. Еслибы была необходимость такъ понимать Ѣмарто, то дѣйствительно не оставалось бы ничего средняго между толкованіемъ Августина и толкованіемъ Юліана, но такой необходимости, какъ мы видѣли, нѣтъ.

А. Кремлевскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки